

По мнению Паскаля,
самая низкая черта
в человеке и в то же
время признак его
превосходства это:

1. Искание материального благополучия.
2. Неверие.
3. Жажда славы.
4. Гордыня.

Правильный ответ вы сможете узнать, прочитав эту книгу...

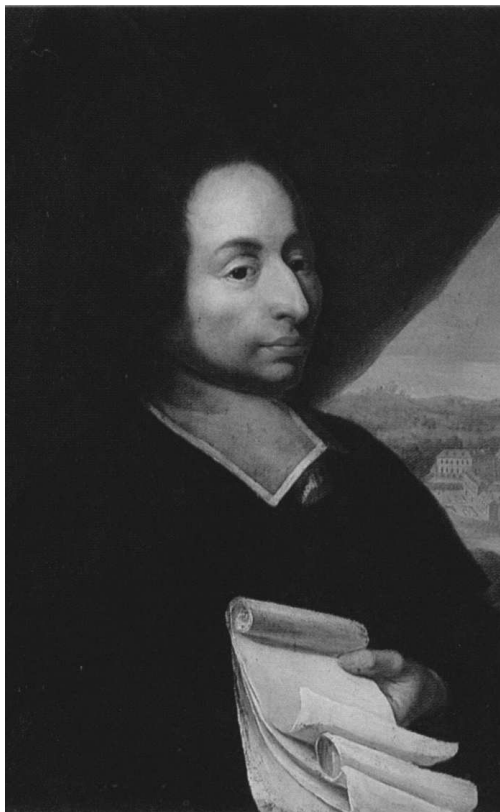
| СОДЕРЖАНИЕ

Блез Паскаль. «Только мысль возносит нас,
но не пространство и время» 5

Предисловие... 8

**Мысли о религии
и других предметах..... 10**

Блез Паскаль. Избранные афоризмы 316

Блез Паскаль
1623–1662

Блез Паскаль. «Только мысль возносит нас, но не пространство и время»

«**Ч**еловеком великого ума и великого сердца» называл Блеза Паскаля Лев Николаевич Толстой. Наполеон сожалел о том, что Паскаль не был его современником и его уже невозможно сделать сенатором; с «драгоценными камнями» сравнивал произведения французского гения его соотечественник, математик XIX столетия Жозеф Бертран.

Считается, что эпоха Ренессанса-Возрождения с ее преклонением перед наукой, искусством, красотой и мощью человеческого разума завершилась во Франции в первой четверти 1600-х годов, после вступления на престол короля Людовика XIII с его всеильным помощником — кардиналом Ришелье. Но можно смело утверждать, что Блез Паскаль, родившийся в 1623 году и умерший в 1662, — «человек эпохи Возрождения»: он был математиком, механиком, философом, писателем, физиком... Невероятная

разносторонность! Паскаль внес свою лепту в создание математического анализа, теории вероятностей, сформулировал основной закон гидростатики, который ныне носит его имя. Кроме того, его имя навсегда вошло в историю религиозной мысли — рассуждениям о вере, Церкви, душе и предназначении посвящено множество страниц в обширном наследии французского ученого.

«Будем же учиться хорошо мыслить!» — призывал Паскаль. Слова, актуальные для всех и во все времена...

19 июня 1623 — Блез Паскаль родился в городе Клермон-Ферран в семье чиновника.

1634 — в возрасте 11 лет мальчик начинает ставить первые физические опыты.

1640 — публикуется первая работа — «Опыт о конических сечениях».

1642 — Блез Паскаль начинает работать над созданием «счетной машины».

1654 — создается «Мемориал», известный также как «Амулет Паскаля».

1656 — начало публикации «Писем к провинциалу».

1657–1658 — создаются записи, вошедшие впоследствии в «Мысли о религии и других предметах».

1662 — Блез Паскаль, с детства очень слабый здоровьем, умирает в возрасте 39 лет.

1663 — издается «Трактат о равновесии жидкостей», созданный Паскалем в начале 1650-х годов, и несколько других его работ в области математики и физики.

| Предисловие

Нам мало известно о религиозных взглядах Блеза Паскаля в ранний период его научной деятельности. Ко второй половине 1640-х годов относятся первые сомнения ученого в правильности избранного им пути: не отвращает ли его наука от возможности спасения души?

В 1654 году Паскаль пережил мистическое озарение, результатом которого стал текст под названием «Мемориал» — его суть можно передать одной цитатой: «Забвение мира и всего, кроме Бога». Ученый практически забрасывает научную деятельность. А в середине 1650-х годов он пишет серию «Писем к провинциалу», в которых критикует лицемерие многих церковников — в первую очередь иезуитов.

Логическим продолжением духовного поиска стало произведение «Мысли о религии и других предметах», известное также под названием «Мысли», созданное в 1657–1658 годах. Правда, сам Паскаль издать этот труд не успел — это было сделано уже после его смерти на основе многочисленных черновиков. Основная идея

книги — защита христианской веры, превознесение ее идеалов. Но нет ли в этом противоречия с предыдущими работами ученого? Наверное, нет — ведь в тех же «Письмах к провинциалу» он критиковал не веру, а нечистоплотность некоторых служителей церкви...

Можно ли примирить науку и религию? — вопрос, который до сих пор не имеет ответа. Мы предлагаем вам ознакомиться с «Мыслями» Паскаля — и, может быть, вы составите на этот счет собственное мнение.

Мысли о религии и других предметах

Статья I. Общее понятие о человеке

(Вот к чему приводят нас естественные познания. Если они не истинны, то совсем нет истины в человеке; если же, напротив, они истинны, то он находит в них великий повод к смирению, будучи принужден принизить себя тем или другим способом. Так как он не может существовать, не веря им, то хотелось бы, чтобы он, прежде чем приступить к самым обширным исследованиям природы, не торопясь и серьезно посмотрел на нее, взглянул бы также на самого себя и рассудил, имеет ли он какую-нибудь соразмерность с нею при сравнении им этих двух предметов.)

1

Пусть же рассмотрит человек всю природу в ее высоком и полном величии; пусть перенесет

свой взор с низших окружающих его предметов к тому блестящему светилу, которое подобно вечной лампаде освещает Вселенную. Земля покажется ему тогда точкою в сравнении с необъятным кругом, описываемым этим светилом; пусть он подивится тому, что этот необъятный круг, в свою очередь, не больше как очень мелкая точка в сравнении с путем, который описывают в небесном пространстве звезды. Но когда взор его остановится на этой грани, пусть воображение уходит дальше: скорее утомится оно, чем истощится природа в снабжении его все новою пищей. Весь этот видимый мир есть лишь незаметная черта в обширном лоне природы. Никакая мысль не обнимет ее. Сколько бы мы ни тщеславились нашим проникновением за пределы мыслимых пространств, мы воспроизведем лишь атомы в сравнении с действительным бытием. Это бесконечная сфера, центр коей везде, а окружность нигде. Наконец, самое осязательное свидетельство всемогущества Божия — это то, что наше воображение теряется в этой мысли.

Пусть, пришедши в себя, человек посмотрит, что представляет он в сравнении со всем бытием, пусть представит себя как бы

заблудившимся в этом далеком уголке природы и пусть по этой келье — я разумею Вселенную нашу — он научится ценить землю, царства, города и себя самого, в своем истинном значении.

Что такое человек в бесконечном?

Но чтобы увидеть другое столь же удивительное чудо, пусть он исследует один из мельчайших известных ему предметов. Пусть в крошечном теле какого-нибудь клеща он рассмотрит еще мельчайшие части, ножки со связками, вены в этих ножках, кровь в этих венах, жидкость в этой крови, капли в этой жидкости, пар в этих каплях; разделяя еще эти последние вещи, пусть он истощит свои силы в этих представлениях, и да будет последний предмет, к которому он придет, предметом нашего разговора. Может быть, он подумает, что это уже самая малейшая малость в природе. Но я покажу ему новую бездну в ней. Я нарисую ему не только видимую Вселенную, но и мыслимую необъятность природы в рамке этого атомистического ракурса. Он увидит бесчисленное множество миров, каждый со своим особым небом, планетами, землю таких же размеров, как и наш видимый мир; на этой земле он увидит животных

и, наконец, тех же насекомых, и в них опять то же, что нашел в первом; встречая еще в других существах то же самое, без конца, без остановки, он должен потеряться в этих чудесах, столь же изумительных по своей малости, сколько другие по их громадности. Ибо как не прийти в изумление, что наше тело, дотоле незаметное во Вселенной, которая, *« Сколько бы мы ни тщеславились нашим проникновением за пределы мыслимых пространств, мы воспроизведем лишь атомы в сравнении с действительным бытием »* в свою очередь, незаметна в недрах всей природы, вдруг стало колоссом, миром, скорее всем в сравнении с недостижимым для воображения ничтожеством? Кто посмотрит на себя с этой точки зрения, испугается за себя самого. Видя себя в природе помещенным как бы между двумя безднами, бесконечностью и ничтожеством, он содрогнется при виде этих чудес. Я полагаю, что его любопытство превратится в изумление и он будет более расположен созерцать эти чудеса в молчании, чем исследовать их с высокомерием.

Да и что же такое, наконец, человек в природе? Ничто в сравнении с бесконечным, всё в сравнении с ничтожеством, середина между ничем и всем.

От него, как бесконечно далекого от постижения крайностей, конец вещей и их начало, бесспорно, скрыты в непроницаемой тайне; он одинаково неспособен видеть и ничтожество, из которого извлечен, и бесконечность, которая его поглощает.

Убедившись в невозможности познать когда-либо начало и конец вещей, он может остановиться только на наружном познании середины между тем и другим. Все сущее, начинаясь в ничтожестве, простирается в бесконечность. Кто может проследить этот изумительный ход? Только виновник этих чудес постигает их; никто другой понять их не может.

Не обратив внимания на эту беспредельность, люди дерзнули исследовать природу, как будто имея некоторую соразмерность с нею.

Странное дело: они захотели познать начало вещей и пойти таким образом до постижения всего — самоуверенность столь же бесконечная, как и самый предмет исследования. Очевидно, что подобное намерение не мыслимо без такой самоуверенности или без способностей, столь же совершенных, как и природа.

Сознавая же беспредельность и недостижимость познания нами природы, мы поймем, что

она, отпечатлев свой образ и образ своего Творца во всех вещах, выражает в большинстве их свою двоякую бесконечность. Таким образом, мы убеждаемся, что всякое знание бесконечно по обширности его предмета; ибо кто сомневается, что геометрия, например, может представить неисчислимое множество задач? Они также бесчисленны, как бесконечны их начала, ибо известно всем, что теоремы, считающиеся последними, не имеют основания в самих себе, а вытекают из других данных, которые в свою очередь опираются на третьи, и так далее без конца.

С последними выводами, представляющимися нашему разуму, мы поступаем как в материальных предметах, где точку, дальше которой не идут наши чувства, мы называем неделимой, хотя по своей природе она делима бесконечно.

Из этой двойной бесконечности знания мы чувствительнее к бесконечности величия; поэтому некоторые возымели уверенность в знании всех вещей. «Я буду говорить обо всем», — сказал Демокрит.

С первого взгляда видно, что уже одна арифметика представляет бесчисленные свойства, не говоря о других науках.